

СТО ДОРОГ

И у чёрта, и у Бога на особом на счету

Ты, российская дорога – семь загибов на версту!

Газета Пензенского городского клуба туристов

№2(12)

Февраль 2011г.

Наши поздравления с Днём рождения

Широкая туристская общественность и горные туристы, в частности, поздравляют с 65- летием Евгения Ивановича Кутнего.

Трудно переоценить вклад, который внёс Евгений Иванович в развитие пензенского горного туризма. Большинство «горников» Пензы, и состоявшихся и молодых, участвовали с ним в походах и считают его своим учителем.

Руководитель походов высшей категории сложности, свой человек в альпинизме, Евгений Иванович сегодня, болея душой о дне завтрашнем, выдвигает в руководители молодых и перспективных, и сам в качестве инструктора, ходит с ними в горы, передавая молодому поколению свой бесценный опыт и, между прочим, нисколько не уступая молодым в горах физически.

Евгений Иванович - по праву признанный лидер и вождь пензенского горного туризма и дай Бог ему на этой стезе ещё много- много лет сил и здоровья.

50 лет Александру Звереву

Просто потоком пошли «полтинники» у целой плеяды пензенских туристов. Это отголосок достославной эпохи бурного расцвета самодеятельного спортивного туризма 80-х годов, когда вагонами по весне катили пензенцы на Западный Тянь-Шань.

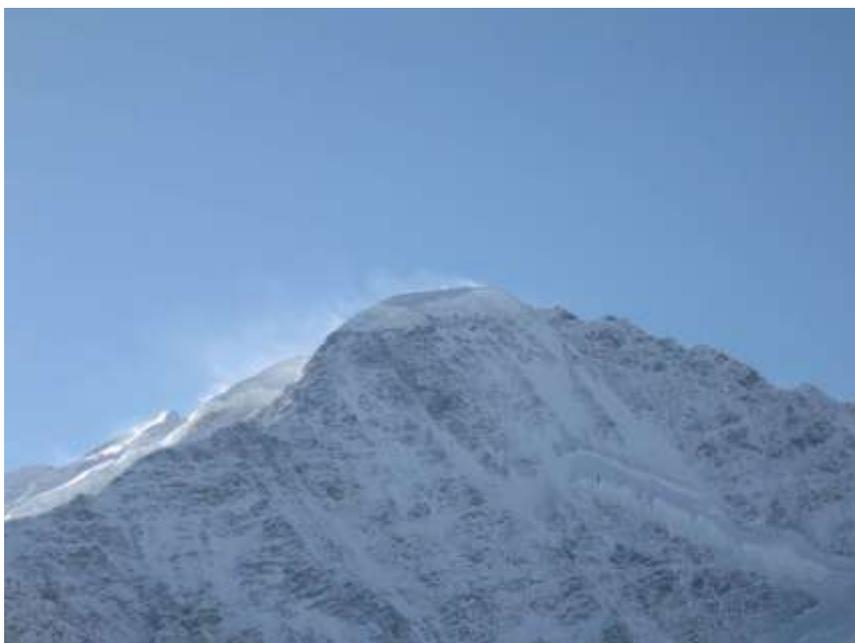
Ярким представителем этой плеяды является и Александр Зверев. Именно такими людьми развивался и расширялся туризм, это они сколачивали группы и вели их в горы. Лидер по натуре, душа компании, Саша притягивал и организовывал людей.

Так получилось в этот раз, что я сам никаких идей, куда бы податься на новогодние каникулы, народу не предъявил. Звали меня, причём все мысли вращались вокруг Приэльбрусья. Постепенно собралась немногочисленная группа: Серёга Костин, я, Виктор и Юля Швецовы. Определились с задачей: зайти на Эльбрус по классике. За 2 недели до отъезда к нам присоединился Алимов Владимир Петрович - КМС по альпинизму, много лет проработавший инструктором в альплагере Безенги, а перед самым отъездом неожиданно отпал Серёга.

В последние выходные перед отъездом поехали закупаться в «Ленту». Вместо традиционного новогоднего ассортимента в нашей тележке лежали обычные для походного меню хлопья и макароны.

Вечером 30 декабря отправились из Пензы. Город уже неделю мучала хмурая оттепель, почти весь снег растаял: вокруг грязно и грустно. Уезжаем в надежде на девственную белизну гор. Новый год встретили в поезде. Распили пару бутылок шампанского, понаблюдали залпы салютов где-то под Ростовом и легли спать.

Утро 1 января выдалось как никогда будним. В Пятигорске было тепло и туманно. На вокзале нас встретил абсолютно трезвый водитель «Газели», полдвенадцатого мы были уже в Терсколе. На склонах снега мало. В посёлке в обед пригревало солнце, но к вечеру усилился мороз. Поставили палатку на окраине Терскола, под вечер пошли прогуляться в долину реки Терскол. Быстро поднялись выше леса и подошли под ригель, на котором лежал язык ледника Терскол. Лёд красивый, отливает голубизной. Водопад, который мы видели здесь летом, пропал. Горы после жаркого лета выглядели успокоившимися и затихшими. Спустились вниз.

На следующий день мы пошли на акклиматизацию к обсерватории. По склону идёт широкая дорога. Сегодня ясное голубое небо, южное солнце пригревает, на этом участке склона снега нет, складывается ощущение весны. Однако выше леса холодный ветер всё расставил на свои места и заставил приодеться. Над Донгуз-Оруном снеговые флаги, должно быть, там сейчас очень холодно. От водопада Девичьи косы осталось лишь несколько струй. Выше на дороге появился снег, началась тропёжка. И вот наконец-то появились две головы Эльбруса, белые и холодные. Чуть выше справа мы увидели здание обсерватории. Дальше решили не идти, перекусили и пошли вниз.

Утром третьего января мы приехали в Азау и поднялись на канатке до станции Кругозор. Третья очередь не работала, поэтому я вместе с рюкзаками поехал на ратраке до бочек

(3800м), а остальные для акклиматизации пошли туда пешком. Владелец ратрака был также хозяином бочки, в которую мы заселились. В бочке есть электричество и электрообогреватели, газовая плита (газ из баллона), длинный стол, полати с одеялами и подушками, кастрюли, ложки, кружки и прочее столовое добро. В бочку можно заехать и жить, имея при себе только деньги. Стоит это удовольствие 500 рублей с человека за день.

Разместившись в бочке, мы пошли на акклиматизацию до приюта 11 (4100м). Шлось нормально, проблем с дыханием и самочувствием никаких. От приюта открылась панорама зимнего Приэльбрусья. Прекрасно виден зуб Далара, отдельно стоящая пирамида пика Штавлери, стена Донгуз-Оруна с припорошенной Семёркой, стена Ушбы с двумя вершинами, Уллукара с массивной ледовой шапкой, вытянутый ровный гребень Уллутау, громада Безенгийской стены, Дыхтау и Коштантау. Шероховатости склонов скрыты покрывалом снега.

Спустились. Как только я зашёл в бочку, меня накрыла горная болезнь: начала болеть голова, подташнивать, аппетита никакого. Ходил из угла в угол, не знал, куда себя деть. Вечером в гости пришли наши друзья-альпинисты Антон Кожунов и Саша Соловьёв и оживили наш хмурый вечер. Немного полегчало, сумел поесть.

Утренний подъём дался нелегко. Полная аналогия с алкогольным похмельем: голова болит, тошнит. Буквально заставлял себя делать элементарные вещи: натянуть штаны, набить в ведро снега, натопить снег в электрическом чайнике. Постепенно самочувствие стало налаживаться. В 10 часов вышли на акклиматизацию до скал Пастухова. Саша и Антон тоже решили пойти на Эльбрус по классике, они идут на скалы вместе с нами. Подъём до скал опять никаких проблем не вызвал. Здорово помогли бахилы на ногах. А вот руки во флисовых перчатках продувались и мёрзли. Подъём на скалы шёл уже практически без палок, сжимал руки в кулак. На скалах очень холодно, пронизывающий ветер, без пуховки долго не протянешь. Саша пошёл без бахил и на скалах Пастухова он начал растирать свою ногу. Я стал ему помогать. По ощущениям пальцы совсем деревянные, несколько не гнутся. 15 минут мы с ним усиленно растирали ногу; к счастью, чувствительность пальцам вернулась. Начали спускаться. Неожиданно самочувствие моё стало портиться и перед бочкой меня вырвало.

Ночью я спал плохо. В висках стучало. Не знал, на какую часть головы лечь: на какую не ляжешь, везде болит. Утром выпил таблетку анальгина. Полегчало, сумел чуть-чуть поспать. Сегодня у нас день отдыха. Мы спустились вниз до Кругозора, посетили там кафе, спустились ещё

ниже, до станции Мир, посидели там. Лыжников и сноубордистов очень много, вагончики поднимаются один за другим, полные. Весь склон в людях.

К вечеру поднялись обратно в бочку. Погода стала портиться: потеплело, пошёл снег. Были сомнения относительно того, идти завтра или нет. Встали в час ночи. На улице метёт, видимость не больше 100 метров. Была слабая надежда, что мы сможем подняться выше облаков. Вышли в 2.00. Шли плотной группой. Впереди - Саша Соловьёв. На скалах Пастухова одели пуховки. Постепенно подниматься становилось тяжелее. После поворота на косую полку мы вышли из облаков. Далеко на востоке загорался рассвет. Идти стало очень тяжело. После десяти шагов сгибался и делал несколько глубоких вдохов. Владимир Петрович отстал, он решил идти в своём темпе, а я изо всех сил старался догонять остальных. Мои силы таяли. Начала кружиться голова. При выходе на седловину головокружение усилилось так, что я с трудом удерживал себя в вертикальном положении.

Сели отдыхать. У всех лица жёлто-серые. Когда я встал на ноги, начал буквально раскачиваться из стороны в сторону. Решил, что если пойду выше, то могу упасть в обморок, поэтому развернулся и пошёл вниз. Остальные трое медленно, покачиваясь, пошли на Западную вершину.

На спуске встретилась группа из Зеленограда. Они поручили мне сопроводить одного из своих, которому также было плохо. Подошёл Владимир Петрович, сходил на седловину, и мы втроём стали спускаться. Облако частично разволокло, путь спуска был виден. Медленно, долго и нудно спускались до бочки. Сил совсем нет.

Через час вернулись Саша, Антон и Виктор. Они поднялись до вершины. На следующее утро решили спускаться в Терскол, там снять квартиру, а завтрашний день посвятить катанию на лыжах. Я предложил для тех, кто не зашёл, оставить рюкзаки на квартире, вновь подняться до бочки и ночью выйти на вершину, а затем сразу на последнюю канатку и вниз. Моё предложение никто не поддержал. Спустились. Сняли квартиру в Терсколе, также за 500 рублей за сутки с человека.

На следующее утро Саша, Антон, Владимир Петрович и я на первой канатке поднялись до Кругозора, оттуда на ратраке до Приюта 11. Они стали кататься на горных лыжах, а я решил попробовать подняться ещё раз. Я понимал, что мне не хватит времени, чтобы сходить до вершины и успеть на канатку, так как последних людей сверху сажают в вагончики где-то в 15.30, а времени уже было 9.45. Но всё равно, я хотел почувствовать, как на этот раз будет идти на высоте больше 5000 м.

Как я и ожидал, в этот раз всё было легко и приятно, без надрыва и фанатизма. Быстро и ровно, без одышки поднялся на скалы Пастухова, прошёл ледовое зеркало и, уже в облаке, косую полку. Никакого головокружения. Вот такой высотный альпинизм мне нравится. Время 12.30, пора поворачивать назад, да и вершина в плотном облаке, видимость 100 метров, а порой падает и ниже. Развернулся и пошёл вниз. Всё ясно, мой организм может эффективно работать на высоте, просто ему надо чуть больше времени для акклиматизации. Спокойно и быстро спустился вниз, в теле чувствуется ещё приличный запас сил. В 14.50 я дошёл до станции Кругозор и уехал вниз на канатке. Виктор и Юля в этот день поднялись сначала на канатке, а потом ногами на вершину Чегет.

На следующее утро, 9 января мы отправились в Пятигорск. С нами ехала ещё одна альпинистка из Пензы Устинья Баулина, которая вместе со ставропольскими альпинистами совершила несколько восхождений из ущелья Адылсу.

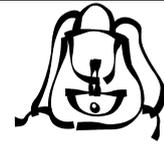
10 января в 23.34 мы прибыли на Пензу I.

Зимнее Приэльбрусье мне понравилось. Горы заснеженные, суровые и спокойные, реки чистые (в отличие от лета). А Эльбрус показал, что на любую высокую гору надо время, надо не только уметь работать, но и правильно отдыхать, восстанавливаться, набираться сил. И ещё раз утвердил меня в мысли, что перед высотным восхождением идеальным будет пройти поход в этом районе для лучшей акклиматизации и для большего разнообразия в деятельности и впечатлениях.

Денис Петин.

Путешествие в прошлое

Полярный экстрим

Мы, конечно, догадывались, что Полярный Урал находится за Полярным кругом, но не могли представить, что поход туда – летом (!) окажется сплошным экстримом. Мы ещё не знали, что попадём в снежную пургу в августе месяце, что стоит выглянуть солнцу – и комаров слетается столько, что трудно дышать; что они падают в миску с супом, раскидаешь их ложкой, зачерпнёшь и пока донесёшь ложку до рта, штук пять их там плавают. Мы не знали, что частенько придётся ставить палатку под дождём, потому что он может идти сутками; и, залезая в палатку, снимать с себя всё мокрое и грязное и выбрасывать наружу, переодеваясь в чистое и сухое, а утром – всё в обратном порядке. Мы ещё не знали, что нашей походной песней будет:

Скользкие камни, холодный ручей,
А ну-ка, завхоз, поскорей нам налей.
Припев:

Хальмер – Ю три могилы,
Мне идти (три раза)
Нет уж силы.
Я могилу найду здесь свою –
Хальмер – Ю ...

Мы ещё о многом даже и не догадывались, мы просто шагали по пружинистой чавкающей тундре 40 км до далекого Уральского хребта, потому что в посёлке Хальмер – Ю (переводится как «могила, к которой нельзя подходить») не смогли найти вездехода – у геологов пьяному водиле сломали челюсть, а у моряков офицеры уехали на задание (читай: на рыбалку). Мы просто тащили эти проклятые рюкзаки с выходным весом 35 кг, обливаясь потом ($t = +26^{\circ}\text{C}$), удивляясь тому, что грибы выше деревьев, что в Заполярье может быть так жарко. Тем не менее к вечеру мы дошли до реки Кары и стали устраиваться на ночлег. К тому времени температура начала резко падать, и похолодало до $+3^{\circ}\text{C}$. От высокой нагрузки у меня свело икроножную мышцу. Юра Тюленев, обутый в полиэтиленовые пакеты на ногах (кроссовки он оставил в Воркуте в камере хранения для облегчения веса) вызвался помочь. Он достал из ремнабора иголку и стал усиленно колоть прямо в ногу. Уже и кровь течёт, и маюги несутся по тундре, но ничего не помогает. На моё счастье появился начальник – Сан Саныч Стульников. По его совету я изо всей силы вытянул носок ноги и судороги прошли.

... От переутомления первого ходового дня никак не удавалось заснуть. Мы не знали, что это ещё цветочки, что ягодки будут впереди. Мы будем идти через перевалы, совершать восхождения, мокнуть под дождём, мёрзнуть, переходя вброд реки. Мы шли нескончаемые километры, уже давно болели голеностопы, шерстяные носки от постоянной сырости сели наполовину, превратившись в бесформенные куски. Мы знали, что наступит 13 августа, но не догадывались, что оно окажется действительно несчастливым числом...

Вечером 12 августа поставили палатку на берегу озера Щучьего. Поставили по всем правилам – к лесу, т.е. к ветру, задом. Но за ночь ветер переменялся. Утром 13 августа палатка содрогалась от резких порывов ураганного ветра. Как выстрелы хлыста, раздавалось хлопанье полиэтиленового тента по скатам палатки. Решили выйти, чтобы переставить палатку. Несмотря на все усилия, миссия не удалась – ураганный ветер с дождём нам это сделать не позволил. Алюминиевые стойкигнулись, тент разорвало.

Пришлось залезть в палатку, по краям поставить рюкзаки и своим дыханием согреть наше убежище. Сидя в холодной луже, согреться было невозможно. И когда сквозь вой ветра стал прорываться звук кастаньет (это стучали наши зубы), Саньч разрешил зажечь примус, чтобы вскипятить воду для бульонных кубиков. Стало почти тепло, но глаза защищало угарным газом и дышать было почти невозможно. Бензина оставалось мало, его надо было экономить, а после выключения примуса тепло быстро улетучивалось. Мокрая палатка лежала на наших головах и плечах, минут через 10 снова раздавалось лязганье зубов... Так продолжалось весь день. Мне, как единственному курящему в группе, приходилось по пояс высовываться «на улицу», быстро покурить лёжа и снова вползать в наше далеко не комфортабельное жилище. Но ведь приходилось ещё выбираться наружу, чтобы сходить в туалет. Это можно было сделать только на четвереньках, потому что стоять было невозможно – ветер просто сбивал с ног. До сих пор даже не представляю, как это производили девчонки. А они «это» делали несомненно. Кому-то удалось увидеть, что котлы наши, наполненные водой, унесло ветром. Они «упорхнули, точно бабочки» куда-то за бугор... К вечеру несколько поутихло, и мы стали собираться, чтобы поискать укрытия от ветра. Из трёх котлов два удалось найти, причём один из них побило настолько, что в нём появились отверстия в виде дырок. Нам удалось найти защиту от ветра, поставить палатку и лечь в абсолютно сырой одежде и накрыться мокрыми спальниками. Обсуждая создавшееся бедственное положение, решили сойти с маршрута и по вездеходной дороге – след на камнях и ягеле – добираться до людей. Это позволило бы нам вместо 140 км пройти «всего лишь» 100...

...Утром вдруг удивила тишина. Ураган неожиданно закончился, выглянуло солнышко. Настроение сразу улучшилось, и намерения переменялись. До обеда кое-как сушили спальники и барахло, и снова отправились по маршруту. И снова через туманы, по курумам, и голеностопы болят, и вечером переодеться мне не в чего, кроме капроновых штанов и капронового анорака - и всё из-за пресловутой экономии веса. (После этого похода я сшил пуховые штаны и безрукавку, и брал их всегда и в любое время года, потому что мало ли что...). Мы снова идём, и постоянно хочется убить Тюленева за то, что в самую расхрень, когда холодно, голодно и мокро, и как правило, при спуске по курумам он начинает вспоминать о погребках в Крыму, и какие вина там подают и какими яствами кормят. Но ведь не убили почему-то... Плевать, что он нёс километров 100 на плече алюминиевую трубу, найденную на заброшенной базе гляциологов на леднике. Он хотел сделать из нее полку книжную, т.к. у него уже было три (!) книги – он их «в библиотеке спёр». Потом он трубу всё равно выбросил. Терпели его знаменитый платок, который он повязывал то на голову, то на поясницу, то ловил им комаров, а при необходимости в него же и сморкался...

...Заканчивался маршрут по реке Пайпудыне. Это примерно 50 км не очень интересного пути, не отличающегося разнообразием окружающих ландшафтов. Выход на Пайпудыну ознаменовался новым катаклизмом – мы попали в снежную бурю. Снег мёл с такой неистовой силой, что пришлось спрятаться под остатки полиэтилена. Но долго так сидеть было нельзя – время поджимало, поэтому по команде Саньча двинулись вперёд. Ветер, естественно, дул прямо в лицо, вся видимость – ботинки впереди идущего, снег залеплял стекла очков, энтузиазм давно закончился, и все радости походной жизни уже порядком надоели, поэтому шли вперёд, проклиная всё на свете. Но, слава богу – ничто не вечно под луной, закончилось и это очередное испытание. Вдоль реки проходила грунтовая дорога, и этот признак цивилизации, если не вдохновил, то вселил надежду на то, что из этого «полярного рая» удастся когда-нибудь выбраться, и, возможно, без потерь. Дорога – дрянь, мосты деревянные через многочисленные ручьи разрушены. Пройдя половину пути, встали на обед. И вот, когда обед заканчивался, послышался звук какого-то транспортного средства. Этот звук вызвал эйфорию и надежду, что транспорт окажется попутным. Увы, разочарование было полным – огромный «Урал» вёз какую-то хреновину нам навстречу (здесь направо – налево много «зон отдыха» для отдельных граждан,

заслуживших какими-то подвигами отпуск вдали от цивилизации на различные сроки – в зависимости от степени полезности содеянного для общества) . И когда через несколько минут снова послышался звук транспорта, мы отнеслись к этому без иллюзий, спокойно и даже равнодушно. Но на этот раз нам повезло – показался вездеход в нужном направлении. Это геологи, завершая полевой сезон, вывозили снаряжение. Радости не было предела! Во мгновение ока мы собрались, рюкзаки с торчащими из них рогами привязали на крышу кабины. Рога олени мы нашли на заброшенном стойбище оленеводов. На том стойбище, кроме рогов, валялось много пустых бутылок из-под «Спирта питьевого» и даже закопчённые на костре электрические(!) чайники. Места в кузове было очень мало, мы лежали там в самых невообразимых позах, перед лицом у меня были чьи-то ноги, но ведь лучше плохо ехать, чем хорошо идти. То, о чём мы мечтали в начале, сбылось в конце ! За час мы проделали путь, на который требовался бы целый ходовой день. Приехали в посёлок «Полярный», когда уже начало смеркаться. Палатки поставили на пустыре, и когда обосновались, пошли в гости к геологам. Нас предупредили, чтобы в посёлке мы не заходили в общежития, т.к. там бичи могут так «наугощать», что можно на месяц забыть маму родную, не то что тещу. А бичами называют вертолётчико , которым из-за постоянной нелётной погоды нечего делать, кроме как устраивать «противомикробную профилактику организма» посредством всё того же спирта . Водителю вездехода мы налили спирту в бутылку, которую он подобрал тут же, у вагончика . Когда уходили из гостей, нам подарили оленью ногу. Мясо оленье мы варили полночи прямо в палатке на примусе, а т.к. спирт во фляжке ещё оставался, то время пролетело незаметно и весело . Песни горланили от души, расслабившись в полной уверенности, что полярный экстрим наконец-то закончился ...

Утром , когда встретили начальника геологов, он был очень зол и сначала не хотел с нами разговаривать. Оказалось, не надо было водителю наливать спирту! Теперь он ушёл в запой, а надо ещё людей вывозить. Кто же знал ? Мы хотели по-честному...И вот мы стоим у железнодорожной насыпи. Подъезжает поезд «Ламбытанги – Воркута». Я в белом сивбурошном анорাকে, в руке котелок с варёной олениной . Поезд стоит две минуты, поэтому только он затормозил, мы кинулись к вагонам. Бегу, спотыкаюсь, чувствую невесомость, сзади подталкивает рюкзак всё с теми же торчащими рогами, всё понимаю , но сделать ничего не могу - падаю на грязную, в мазуте и прочем железнодорожном дерьме, щёбёнку, пропахиваю её подбородком, стараясь не уронить котелка с ценным содержимым, но всё-таки половина мяса высыпалась. Рядом оказался Саныч, он помог мне подняться, руками собирал мясо прямо со щёбёнки и кидал в котёл. Потом это мясо, кроме нас с Санычем, никто есть не стал, побрезговали . А молодая оленина была очень вкусной !

Казалось, теперь уже ничего экстремального произойти не может. Мы приехали в Воркуту к вечеру . На ж/д вокзале был ремонт, поэтому поехали в гостиницу «Воркута». И здесь появились новые неприятности, причём коснулись они меня одного. Оказалось, я забыл дома паспорт а без него в гостиницу ну никак! К тому же район приграничный, и без паспорта здесь вообще не рекомендуется находиться. Что делать ? Сидеть ночь в аэропорту? Но ведь и там документы проверяют, так что можно нарваться на новые неприятности. В конце-концов администратор сжалилась над нами – небритыми, грязными и вонючими, и сказала , что оформить не может, но пусть я переночую с кем-нибудь в одном номере так, то есть за так. Бегом по лестнице, не дожидаясь лифта, пока милиционер не проверил документы, на пятый этаж я взлетел за считанные секунды. Ночевал я очень комфортно в номере у Янкина на полу на коврике...

... А знаете у какого молодца вечно капает с конца? А вот и не угадали Это Саныч, у которого на Полярном Урале постоянно с носа свисала капля известной жидкости. И эту каплю я вспоминаю как символ экстремальности Полярного Урала

А.Игнатьев..

